

СЛОВО О РУССКОМ СЛОВЕ

Отложив всякую злобу и всякое коварство, и лицемерие, и зависть, и всякое злословие, как новорождённые младенцы, возлюбите чистое словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение.

1-е послание Петра 2:1–2

Народ глуп и болтает всякий вздор.

Академик И.С. Кочетов

Хочешь погубить народ, истреби его язык.

Шишков Александр Семёнович, министр просвещения, президент Императорской Академии наук начала XIX века, адмирал

Шибко долгую жизнь я живу. Чево токма в жизни не понаслушался, а вот нет ничо лучче, когда на своём поговоре сказку слушать или другой какой рассказ про старое или новое. Вот когда от дома далеко, да земляка встренишь, да как услышишь от него два-три слова, которы в твоей деревне слышал с детства, на адали домой на побывку съездил. Вот значит родное слово услыхать.

Елиин Артём Васильевич. Баргузин, Прибайкалье. Запись 1937 года.

У меня поговор такой, а как уж там погородски, не знаю. Мы же все чуем, что городскию бают, а вы пошто наш поговор не чуете?.. Али мы не русские, али вы отъучились по-русски говорить...

Илья Парфёнович Скосырский. Село Шапенково, Баргузинского района, Прибайкалье. Запись 1937 года

Слово – величание Бога ...*В начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово*¹... язык у русских встарь – народ ...*с нами Бог, разумеите языцы и покоряйтеся!*.. а потому без слова, обережённого в исконной и самобытной красе и любомудрии, нет в языке (*народе*) Бога, нет и самого народа; бредёт погоняемое князем тьмы воловье стадо, утробно мычащее, пашущее от темна до темна за навильник заплесневелой соломы и бесплодную случку, чтобы однажды, обратившись в свиней, в коих вошли бесы, ринуться с обрыва в чёрную бездну. Вот отчего мы, русские, и всполошились: в былой ли Божией силе родная речь, а значит и сам народ?.. А, бывало, похвалялись: «Мощь и величие русского языка являются неоспоримым свидетельством великих жизненных сил русского народа, его оригинальной и высокой национальной культуры и его великой и славной исторической судьбы. Русский язык единодушно всеми признаётся великим языком великого народа»². Так в назидание и завещание потомкам написал академик В. Виноградов, верно и любовно служивший русской речи. Даже сквозь вой и визг либеральных ведунов и ведьм с Лысой горы, сквозь дикие пляски иноверцев на отеческих жальниках, услышав русским ухом изречённую мысль, пристыженный и обиженный за разорённую державу, нынешний правитель России возжелал свершить нечто русское державное, и ушедшее седьмое лето двадцать первого века державно повелел звать «Годом русского языка», и порадеть родимой речи. Но веление велением: жалует царь, да не жалует псарь, а псаря ныне лихо верховодят и царя на коротком поводке водят. Им вели, не вели, что в лоб, что по лбу, что об стенку горох, одна холера, но козни строить государеву слову и делу хлебом не корми. Царь, удушливо хрипя, рвёт цепь; осмелился порадеть русскому языку, хотя, может, и чуял, что возопит безродное окаянство, властвующее на Руси, повинит в национальном эгоизме. (А может, исподтишка уговорились простой и доверчивый народ потешить, чтобы лишний норов вышел, на деле же – ворон ворону глаз не выклюнет?.. а набуровить наши правители могут семь вёрст до небёс и всё лесом.) Ведь не утихли и по сей день мноучёные споры, дичее и нелепее коих вообразить трудно: вводить иль не вводить в средних и высших учебных заведениях основы православной веры, коль *в этой стране* много конфессий. Но противники Закона Божия в школах и вузах словно запомнили, что русские в России, составляющие девяносто процентов населения, – государствообразующая нация, а православие – духовная основа государственной идеологии. Православное воцерковление ради спасения души в Царствии Божиим – дело личное и сокровенное для человека, но изучение Библии, и особо Нового Завета, истории православия, поучений святых отцов церкви необходимо, чтобы постигнуть и осмыслить историю и судьбу России, творческий дух народа и русское, да и мировое, классическое искусство.

Подобные споры в мусульманских странах – изучать ли поколению ислам – не снились мусульманам даже в жутком и греховном сне, ибо для них религиозное знание столь же разумющееся, как и знание грамматики своего языка. Лишь в нынешнем русском царстве-государстве

¹ Библия. От Иоанна Святое благовествование. 1–1, с. 382. Библейские комиссии «Духовное просвещение». 1991.

² Хрестоматия по истории русского языкознания. М., 1973, с. 160.

возможно сомнение: а нужны ли малым чадам и подросткам святоотеческая вера и корневой русский язык. Помнят окаянные кормчие родное и лихое ленинское времечко, когда лишь обмолви шёпотом: «я – русский», и ты уже «фашист», «юдофоб», и поставлен к стенке. Впрочем, теперешние псари дьявольски умудрённые: какого лешего шумиху подымать, не лучше ль обратить царский указ в филькину грамотку, в скомороший посмех. И обратили...

Бог им судья, безродным и окаянным, но и *правитель России, и радетели русского языка из учёной и писательской братии понимают ли, о каком языке печалются: о русскоязычной ли речи, серой и безликой, словно закованной в бетон пойменный луг?.. или о непостижимо прекрасной и мудрой стихии народной (крестьянской) речи, похожей на летнее поле в живописном и певучем, душистом разнотравье-разноцветье?..*

Величайший художник всех времен и народов напишет гениальный пейзаж – летнюю природу, но лишь робко коснётся душой и живописным даром таинства природы, сама же природа – Творение Божие, будучи во сто крат гениальнее самого гениального рукотворного пейзажа, – останется невмещающей в земную душу, неизъяснимой тайной. Вот и двухтысячелетняя русская народная (суть, крестьянская) языковая стихия, воплощённая в устном поэтическом слове – в эпосе, в былине и песне, в житийном мифе и заговорной молитовке, причитании и сказке, бывальщине и быличке, в кружевном речении, в пословице и поговорке, – всегда будет неизмеримо гениальнее самой гениальной стилистики самого великого книжного поэта. Как беспомощны краски перед природой – бледные и бедные, так и бессильно книжное слово перед исконным крестьянским – серое и квелое. Недаром чародей поэтической речи, хороводно сплевший устное и письменное слово, выдающийся русский писатель Борис Шергин с грустью записал в памятке: «Русское слово в книге молчит... Напоминает ли нам о цветущих лугах засушенные меж бумажных листов цветы?..»³

Сквозь блудливый романтический туман салонной поэзии – по-британски студёной, по-французски панталонно-розовой, по-германски грузной и обильной, сквозь книжно-библейский лиризм славянофильской поэзии, писатель Фёдор Достоевский высматривал в российской будущности эпоху крестьянской книжной поэзии и великого поэта от сохи и бороны. Слушая деревенскую песню, Фёдор Михайлович – в отличие от иных дворянских писателей вернее разглядевший русскую душу в её небесных взлётах и сумрачных паденьях, хотя и живший вне народно-обрядовой жизни, вне народной языковой стихии, – вдруг удивлённо, озарённо промолвил: «Ах вы сени, мои сени... Поэт не ниже Пушкина...»⁴. И это решил Достоевский, в Пушкине души не чаявший, и в речи, произнесённой на заседании Общества любителей российской словесности, вдруг воскликнувший: «Никогда ещё ни один русский писатель, ни прежде, ни после его, не соединялся так задушевно и родственно с народом своим, как Пушкин»⁵. И вот на тебе: *«Поэт не ниже Пушкина...»* А может, выше Пушкина, если припомнить, что и *«Сени...»* – песня не самая

³ Шергин Б.В. Древние памяти. М., «Худ. лит». 1989. С. 483.

⁴ Цитировано по книге: Байбородин А.Г. Душа грустит о небесах. Иркутск. «Арт-Пресс». 2003. С.10.

великая в необозримой и непостижимой, как Вселенная с земными и небесными стихиями, народной поэзии...

Как писал я некогда в очерке о Сергее Есенине: тускнеет книжная поэзия, даже пушкинская, пред мудрым крестьянским словом, кружевным, резным, молвленным ли былинщиком у русской печи при лучинушке, вопленным ли плачущей на свадьбе, похоронах или проводах рекрутов, спетом ли в застолье, в хороводе. Не все они – сказители, певни, плакальщицы-вопленицы – были ровни по духовной силе и красе слова, но и великих рожала земля русская. Вспомним и Киршу Данилова, и сказителей Рябининых, и плачею Арину Федосову, и сказочницу-былинщицу Марью Кривополенову, за малый рост прозванную Махоней, и даже нашего присаянского земляка Сороковикова-Магая. Их поэзию не вместить в книги, сколько бы их не издавалось на Руси, как сроду не вместить в альбомы все красоты русские. Но вот, скажем, «Причитания северного края» Ирины Федосовой, напечатанные в трёх томах (1872–1875 годы), получили всесветную славу. Об этой книге писали статьи знаменитые учёные академики Л.Н. Майков и А.Н. Веселовский. Её поэмы-плачи звучали на больших заседаниях в Российской академии наук, в Русском географическом обществе, в Археологическом институте, на вечерах у графа Шереметева и Победоносцева. Ирину Андреевну слушали, читали, с восторженным удивлением писали о её поэмах-плачах и Некрасов, и Римский-Корсаков, и Балакирев, и Шаляпин, и Пришвин, и Твардовский, и даже Горький, не привечавший русского крестьянства; мало того, они и в своём творчестве вдохновлялись поэзией деревенской бабы, которая... не знала книжной грамоты и долго бродила по родимой земле с нищенской котомой и певучей причетью. Некрасов один из плачей Ирины Федосовой ввёл в поэму «Кому на Руси жить хорошо». Это она, Арина Федосова, деревенщина простая и вещая, провидела ещё задолго до кровавого переворота: «Хоть повыстанем по утрышку ранёшенько, // Не о добрых делах мы думу думаем, // **Мы на сонмище бесовско собираемся, // Мы во тяжких грехах да не прощаемся!** // Знать, за наше за велико беззаконие // Допустил Господь ловцов да на клян-море; // Изловили они рыбоньку незнамую, // Повыняли ключи да подземельные, // Повыпустили горюшко великое! // Зло несносное велико это горюшко // По Россиюшке летает ясным соколом, // Над крестьянамы, злодийно, чёрным вороном. (...) Послушайте словеса наши старинные, // Заприметьте того, малы недоросточки! // Уж как это сине морюшко сбущуется, // **Все изменятся пустыни богомольные, // Разорятся все часовенки спасённые**» (выделено мною. – А.Б.)⁶. Устное поэтическое слово – вот семенное зерно, из коего возшла, заколосилась русская лирика и не увяла даже при духовной засухе.⁷

Отчаянным босяком и шатуном забрёл в русскую литературу Алёша Пешков, воспел безродного бродягу Челкаша, зло посмеявшись над мужиком Гаврилой; до интеллигентской одури начитался мировой литературы и философии, вдосталь нахлебался европейского искусства и вырос в большого советского писателя Максима Горького. С богоборческой яростью ненавидел со-

⁵ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. ПСС. Т. 19. С.15. Ленинград. 1979.

⁶ Федосова И.А. Цит. по сб. «Русские народные сказители». М., 1989. С. 172.

чинения Достоевского, воспевшего любовь ко Христу Богу; не любил испоконного раба... Божиего русского крестьянина (девяносто процентов российского народа), с его боголюбием, царлюбием, смирением и терпением, с его замшелым домостроем, но даже он, Максим Горький, буре-вестник кровавого бунта, измаянный противоречиями, настойчиво советовал начинающим сочинителям: «Я очень рекомендую для знакомства с русским языком читать сказки русские, былины, сборники песен, Библию, классиков. Читайте Афанасьева, Киреевского, Рыбникова, Данилова, Аксакова. (...) Кое-что покажется вам скучновато – читайте! Вникайте в прелесть простонародной речи, в строение фразы в песне, сказке, в Псалтыре, в Песне песней Соломона. Вы увидите тут поразительное богатство образов, меткость сравнений, простоту, чарующую силой, изумительную красоту определений. Вникайте в творчество народное – это здорово, как свежая вода ключей горных, подземных, сладких струй. Держитесь ближе к народному языку, ищите простоты, краткости, здоровой силы, которая создаёт образ двумя-тремя словами»⁸.

Фреска в храме может жить немеркнучи до скончания света, если храм любовно обихаживать, не давать воли гибельному запустению, а тем паче разрушению и переделу-новоделу; так и слово народное не запустошивать бы, не уничижать заёмными речениями, но чередой из уст в уста бережно передавать. Вот о какой родной речи порадеть бы государевым людям и смердам, не токмо лишь в Год русского языка, а отныне и довеку, покуда русские во житье и здравии.

Ныне зажили мы чудесными надеждами, а то и просвета в ночи не зрели даже и душевными очами: под звериное рыканье кремлёвского самозванца, самохвала полтора десятилетия демократы с большой дороги грабили Россию, уже, вроде, лежащую на смертном одре под святыми образами; русские отичи и дедичи с надсадой и кровавыми мозолями, горбом добывали сынам и внукам добро, потом, не жалеючи живота, обороняли родную землю, а тати придорожные да иноземцы-иноверцы, ухитившие российскую власть, грабили добро, волокли за «бугор» и для содомской утехи и потехи изгалялись, нетопыри, над русским словом, древним обычаем и отеческим обрядом, чтобы народ и голодом-холодом уморить, и душу народную вынуть и сгноить. В ту злую пору и смешно, и грешно было бы стучаться в кремлёвские ворота с народными бедами – поцелуй пробой да вали домой; это походило бы на то, как если бы мужики из оккупированной Смоленщины и Белгородчины писали челобитную германскому наместнику, лепили в глаза правду-матку и просом просили заступиться: *мол, наше житье – вставши и за вытье, босота-нагота, стужа и нужда; псари твои денно и ноцно батогами бьют, плакать не дают; а и душу вынают: веру хулят, святое порочат, обычай бесчестят, ибо восхотели, чтобы всякий дом – то содом, всякий двор – то гомор, всякая улица – блудница; эдакое горе мыкаем, а посему ты уж, батюшка-свет, укроти лихомцев да заступись за нас, грешных, не дай сгинуть в голоде-холоде, без поста и креста, без Бога и царя...* Повеселила бы мужичья челобитная чужеверного правителя, сжалился бы над оскудевшим народишком, как пожалел волк кобылу, оставил хвост да

⁷ Байборodin А.Г. Душа грустит о небесах. Иркутск. «Арт-Пресс». 2003. С.19–20.

⁸ Горький М. Собр. соч. в 30-ти т. М., 1951, т. 24, с. 235.

гриву... Но чудится ...надо перекреститься... миновало злолетье, и доверчивый российский простолудин зажил благими надеждами; блазнится бедолажному: вроде, светает в родимом краю, тает гибельный сумрак, стихают в кремлёвской ограде содомские вопли да разбойный ор; и чудится, власть грядущая даст волю слову русскому, и слово, вырвавшись из чужеверного полона, вновь зазвучит по земле Русской в испоконной боголепной речи, в родимой песне, в древлеотеческой молитве и святом псалме. Но всё лишь чудится, как заблудшему в степных потёмках мерещится призрачный свет далёкого отрадного жилья, мнится едва внятный навечерний звон; чудится... да так уж мы, русские, обманываться рады, чудные и чудесные, вечно чуда ждущие.

* * *

«Выскажу убеждение своё прямо: словесная речь человека – это дар Божий, откровение: доколе человек живёт в простоте душевной, доколе у него ум за разум не зашёл, она проста, пряма и сильна; по мере раздора сердца и думки, когда человек заумничается, речь эта принимает более искусственную постройку, в общежитии пошлеет, а в научном круге получает особое, условное значение»⁹, – так полагал великий труженик русской речи Владимир Даль. Продолжая выстраданную мысль, можно сказать, что дворянство – *перчаточное сословие*, по едкому определению В. Даля, – потом интеллигенция разучились или не научились беседовать с простым народом, красно и мудро вести речь на исконном русском наречии, похожем на летний луг в чудных цветах пословиц, поговорок, присловий, прибауток. Мы, – как испокон века морщатся деревенские, *гнилая* интеллигенция, – отвадились *красно баить*... балагурить, судачить, и простонародье перестало нас понимать и привечать. А если *деревенские* сочинители начинают живописать, щедро сея в сказовую ниву народные говоры, наша *просвещённая* критика, язвительно скривив рот, усмехается, ухмыляется в нафабранные и надушенные усы: мол, *щедровитый, красовитый* – так болтает лишь выжившее из ума, замшелое деревенское старичье на завалинке, а сельский молодняк давно уже говорит, как в городе.

Мне повезло, долго обитал я в старом селе, потом бродил по деревням, дивился любознанию и красе простонародной речи, что в многоучёных книгах именовалась *сниженной, просторечной*; позже, перелопатив словари сибирских говоров, составил свои памяти народного красноречия, кои подсобляли мне в создании правдивой языковой картины Забайкалья. И уж могу верно сказать, говорят ли нынче в деревне *«щедровитый, красовитый»*...

Помню, лет десять назад занесло меня бродячим ветром в забайкальское село; оглядываюсь подле сельповской лавки, а тут машина с будкой подворачивает, и высыпали на магазинское

⁹ Даль В. Пословицы русского народа. М., 1994. С.6.

крыльцо смешливые доярки и, по-сорочьи треща, залетели в лавку. А как выпорхнули и снова забрались в будку, шофёр – учительский сын, недавно из армии пришёл, – высунулся из кабины и кричит смехом: «Но чо, деуки, пристягнулись?..» – «Пристягну-улись!.. Но ты шибко-то коня не понужай, – чай, не дрова везёшь...» – «Но тогда полятели, сороки-вороны...» Вот вам и *«красовитость»*... Или, помню, удили по тонкому льду на забайкальском озерце – окуня, сорогу добывали; лунки выдолбили, забормашили – кинули по горстке бормаша, и решили перекурить. А теплыню повеяло, снег влажно и ослепительно искрился, лёд на проплешинах синевато, зеленовато, радужно переливался... Здешний рыбак Илья Парфёнович Скосырский хлебнул из фляжки за компанию с приезжими городскими рыбаками и начал было потешные байки заливать про старопрежнюю рыбалку. А тут городской мужик возьми да и брякни: «Ни-ичего не пойму, о чём ты, старик, базаришь». Обиделся Илья Парфёнович, усмехнулся в заиндевелые усы: «У меня поговор такой, а как уж там по-городски, не знаю. Мы же всё чуем, чо городские бают, а вы пошто наш поговор не чуete?.. Али мы не русские, али уж вы отучились по-русски говорить».

Помянутое – не вымысел, а доподлинная правда о народном языке, ещё и по сей день не увядшем в сибирских деревнях. Хотя веками властвующая в России русскоязычная речь сокрушала простонародный язык, давая лишь малые послабления для именитой «деревенской» прозы; но лихо ещё и то, что, не сознавая, подсобляли сокрушителям языка и «асфальтовые» русские националисты из влиятельных писателей, издателей и редакторов, исподволь отвергая в русском языке простонародный дух, простонародную плоть, навязывая усреднённый, выхолощенный либо искусственно метафорический книжный язык.

* * *

Проживши четверть века в глухоманном лесостепном забайкальском селе, за триста вёрст от города и «чугунки», ударившись в сочинительство, я писал лишь о том, что родно и больно, и, разумеется, тем языком, коим и говаривали, да и по сию пору говорят мои деревенские земляки. И писал эдак не ради любования природным говором, но ради осмысления русского простолюдья, и особо российского крестьянина – величайшего любомудра, которому книжные мыслители и в подмётки не годятся. К сему же крестьяне – понятие *«от креста»* и *«Христа»* – выражали земные и небесные мысли не мертвецки условным, научным языком, но образным и притчевым, а образы, как Иисус Христос в поучениях и заповедях, брали из крестьянской и природной жизни. Вспомним глаголы вечной жизни: *«Уже бо и секира при корени древа лежит: всяко древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает, и в огонь вметаемо»¹⁰*; или: *«Его же лопата в руке Его, и отеребит гумно Свое, и соберет пшеницу Свою в житницу, плевелы же сожжет огнем неуга-*

сающим»¹¹; или вспомним и притчу о сеятеле зерна – Слова Божия: «*Се изыде сеятель, да сеет. И сеющу, одна падоша при пути, и приидоша птицы и позобаша ея; другая же падоша на каменных, иде же не имаху земли многи, и абие прозябоша, не имаху глубины земли. Солнце же взсиявши, привянувши: и не имаху корения, изсохша. Другая же падоша в тернии, и взыде терние, и подави их. Другая же падоша на земли доброй, и даяху плод...*»¹² Евангелийская образно-языковая система – из природной крестьянской жизни, а Творец – Поэт. «В "Символе веры" слова "Творца небу и земли" звучат по-гречески так: "Поэта (ποιητης) неба и земли". Христос – Поэт как Бог, сотворивший небо и землю, и Поэт – как человек, воспринимающий в полноте красоту Божия творения. "Посмотрите, – говорит Он, — на лилии полевые, которые не трудятся ни прядут, но которых Бог одевает лучше, чем Соломона в славе его". Посмотрите на птицы небесные, на рыбы морские, на семена, падающие на землю из руки сеятеля, – за земной красотой открывается высшая красота и мудрость. Природа говорит о Царстве Божием и своей красотой она даёт нам желание жизни, превосходящей земную. Все поэты непрестанно утверждают это» (протоиерей Александр Шаргунов).

Обронится, потеряется мудрое, пословично-поговорочное природно-образное народное слово, коль и в русской литературной ватаге, не говоря о русскоязычной, лишь дюжина писателей на всю Россию-матушку с горем пополам и владеет русским образным говором, прочие строчат русскоязычные инструкции от перхоти, по скудости либо лукавости ума величая своё «перхотное чтиво» русской литературой, да ещё и бахвально прибавляя: художественная, хотя художник там сроду и не ночевал. Измыслили скудоумцы да лукавцы, что «художественная» проза может быть и языковая, а может быть и безъязыкой, где верховодит процветающая мысль. И уже писал в литературных заметках, что «не может быть неязыковым произведение художественной прозы, как не может быть живописи без живописности. Образное письмо – непременно в русском искусстве, а безобразное – безобразное. Но образный язык не ради языка, а лишь для зримого и впечатляющего выражения народной жизни, русского любомудрия, чтобы мысль, впечатление дошли до читательского разума и духа. Ведь и притчевый библейский язык, и язык Спасителя, природно и по-крестьянски метафорический, и образное изложение в православных святоотеческих произведениях, и пословично-поговорочный, прибауточный обиходный язык былого русского крестьянства не ради языка, но лишь для силы воплощения любви к Царю Небесному, к брату и сестре во Христе. Образное письмо – мудрое, во всякой фразе мыслёмкое. Вот, скажем, немудрящая пословица «*Не отвалится голова, так вырастут волоса*». Не для красного словца эдак сказано, а чтобы в одну образную фразу вместить великую мудрость смиренного и безунывного земного жития. А, скажем, «*Своя воля страшнее неволи*» – тут уж в четырёх словах христианский трактат о свободе внешней языческой, идущей бок о бок с порочной вседозволенностью, и свободе внутренней – свободе от пороков, которую, впрочем, обретали лишь святые во Христе

¹⁰ Отъ Матфея Святое благовествование. 3:10. Святое Евангелие и Книги Нового Завета. Москва. 1995. С. 8–9.

¹¹ Там же. 3, 12. С. 9.

старцы, молитвенные постники и отшельники, но православное простолюдье о духовной воле хотя бы блажило.

* * *

Пав ниц перед величием народной речи, великий знаток русских календарных обрядов и обычаев Иван Сахаров возмущался: «Было время, когда я слышал, как в городах и сёлах русские, наученные заморскими бродягами, с презрением говорили, что русский язык есть язык холопский, что образованному человеку совестно читать и писать по-русски, что наши песни, сказки и предания глупы, пошлы и суть достояние подлого простого народа, деревенских мужиков и баб, что наша народная одёжа (повязка, кокошник, сарафан и кафтан) заклеяны презрением, осуждены Европой на изгнание и носят на себе отпечаток холопства, вынесенного из Азии».¹³ Воистину, не понимали народную речь (а с ней и народную душу) и дворяне с разночинцами, и нынешняя *образованщина*, даже в классических университетах изучавшая русский язык и стилистику. (В словарях, и учебниках, по которым они *проходили* или *пробегали* русский язык, мудрая, звучная и живописная простонародная речь именовалась грубо-просторечной, лексически сниженной).

На закате девятнадцатого и на кровавом восходе двадцатого века свирепо порадели на ниве русского книжного языка местечковые литераторы и прочие шелкоперы, о чем писал опять же Куприн в мужественном и откровенном письме Ф.Д. Батюшкову: «...Но есть одна – только одна область, в которой простителен самый узкий национализм. Это область родного языка и литературы. А именно к ней евреи – вообще легко ко всему приспособляющиеся – относятся с величайшей небрежностью. Ведь никто, как они, внесли и вносят в прелестный русский язык сотни немецких, французских, польских, торгово-условных, телеграфно-сокращённых, нелепых и противных слов. Они создали теперешнюю ужасную по языку нелегальную литературу и социал-демократическую брошюратину. Они внесли припадочную истеричность и пристрастность в критику и рецензию. Они же, начиная от «свистуна» (словечко Л. Толстого) М. Нордау и кончая Оскаром Норвежским, полезли в постель, в нужник, в столовую и в ванную к писателям. Ради Бога!.. идите в генералы, инженеры, учёные, доктора, адвокаты – куда хотите! Но не трогайте нашего языка, который вам чужд, и который даже от нас, вскормленных им, требует теперь самого нежного, самого бережного и любовного отношения»¹⁴.

Разумеется, в сравнении со стародворянской, всё же хоть и нерусской по духу и узору, но по-французски утончённой, в сравнении с книжно-разночинной, нынешняя ходовая устная и

---

¹² Там же. 13, 2–8.

¹³ Цит. по кн. Селезнев Ю.И. Избранное. М., 1987. С. 405.

¹⁴ Там же. С. 407.

письменная русскоязычная речь похожа на серый железобетонный дом с крикливыми щитами рекламы на *ломаном* английском языке. Это язык не русской, не английской, – серой расы... А как сказал некогда евразийский поэт: «Серая раса, – сволочи...» Неживая, пластмассовая речь была прозвана учёными мужами *макаронической*, ибо жутко замусорена иноземными варваризмами, об которые язык сломаешь, мозги свернёшь, которые, как мужики смеются, без бутылки и не вышепчешь. Все эти *приватизации, номинации, презентации, рокеры, брокеры, рэкеты, дилеры, мэры, пэры, клипы, шопы, шоу...* – обрыдли здоровому русскому уху; это – иноземная технократическая свалка в оскудевшей ныне, но некогда щедрой и вольной, красивой природе народного языка; и как бы нам избавиться от языковой помойки, поскольку многим иноземным речениям есть заменители в родном наречии. «...Употреблять иностранное слово, когда есть равносильное ему русское слово, – значит, оскорблять и здравый смысл и здравый вкус, – возмущался даже Виссарион Белинский, которого уж никак не повинишь в славянофильстве и русофобстве. – Так, например, ничего не может быть нелепее и диче, как употребление слова *утрировать* вместо *преувеличивать*»¹⁵.

Мы вроде стесняемся перед Европой и Америкой своего родного языка, как и народной культуры, палим на широкую русскую кость аглицкие панталоны, а штаны заморские трещат по швам. (Даже наши сельские специалисты, коим сам Бог ссудил легко и вольно владеть народным говором, поскольку общаются с деревенским людом, и те сплошь рядом не умеют говорить с простонародьем на их исконном наречии, и себя, и крестьян величают аграриями; и так это звучит смешно да грешно, когда агрономы возглашают: *в поля аграрии навоз вывозили...*) Помню, некий образованец принародно вещал про форсистого артиста: мол, у него харизма своеобразная, на что простоватый мужичок пожал плечами: дескать, харя как харя, ничего особого. Пристрастие русской поросли к английскому языку и англоязычной культуре – признак яремного, колониального, холопского сознания.

В конце восемнадцатого века поэт Александр Сумароков упреждал русаков: «Вовек отеческим языком не гнушайся, // И не вводи в него чужого ничего, // Но собственной своей красою украшайся...»¹⁶ Даже Иван Тургенев, несмотря на свои поздние либерально-западнические воззрения, невзирая на резкое неприятие русской народности (роман «Дым»), слезно умолял: «Берегите чистоту языка, как святыню! Никогда не употребляйте иностранных слов. **Русский язык так богат, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас**»¹⁷.

А уж как страдал и печалился о русской речи, засорённой чужебесной тарабарщиной, Владимир Даль, великий знаток народной языковой вселенной: «Смесь нижегородского с французским (*ныне английским* – **А.Б.**) была мне ненавистна по природе...»

И чего уж нам пресмыкаться, выстилаться перед тем же английским языком, если, как поведал Гавриил Державин: «**Славяно-российский язык, по свидетельству самих иностранных**

¹⁵ Белинский В.Г. О русских классиках. М., «Худ. лит». 1979, С.350.

¹⁶ Цит. по кн. Бондаренко В.Г. Серебряный век простонародья. М., 2004. С. 225

*эстетиков, не уступает ни в мужестве латинскому, ни в плавности греческому, превосходя все европейские...»*¹⁸. Пристрастие к чужеземной речи (французской, английской) это беда и холлопского сознания, и оторванной от народной мудрости *образованщины*: в девятнадцатом веке западной книжной просвещённости, а в прошлом и нынешнем – *голубоэкранной* порчи. Кстати, по поводу космополитической *просвещённости* с горькой иронией писал Александр Пушкин ещё в стародавние времена:

Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды лик увидел,
И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел¹⁹.

* * *

Говоря о засорении русского языка чрезмерными иноземными заимствованиями, я не навязываю, так называемого *пуризма*, в чём многоучёные русисты – особо либерально-демократического толка – некогда обвиняли министра просвещения, президента Императорской Академии наук, адмирала Александра Семёновича Шишкова, мелкими придирками, вроде *мокро-ступов*, пытаюсь сжить со света его великие письменные труды о русской речи, как языке самом древнем, являющем собой корни и ствол, от коих ветвями в незапамятные времена выросли европейские языки. **«Наш язык – древо, породившее отрасли наречий иных...** Да умножится, да возрастет усердие к русскому слову и в делателях, и в слушателях!.. Я почитаю язык наш **столь древним**, что источники его теряются во мраке времён; **столь в звуках своих верным подражателем природы**, что, кажется, она сама его составляла; **столь изобильным** в раздроблении мыслей на множество самых тонких отличий, и **вместе столь важным и простым**, что каждое говорящее им лицо может особыми, приличными званию своему словами объясняться...».

Великий радатель испоконной русской речи Александр Семёнович Шишков ратовал за изыскание в многовековой истории родного языка истинно русских слов взамен чужестранных, и само это желание похвально для русского государственника. А уж о мере эдакого желания судить трудно.

Мало того, министр просвещения, ополчившись даже на святителя Филарета, митрополита Московского, был рьяным противником перевода Священного Писания с церковнославянского

---

¹⁷ Там же. С. 190.

¹⁸ Там же. С. 284.

¹⁹ Пушкин А.С. Собр. Соч. в 10-ти томах. Москва. «Худ. лит». 1974. Т. 2. С. 533.

на светский язык, впрочем, как и иные члены патриотического общества «Беседа любителей русского слова», которое и возглавлял вождь консервативной русской мысли в России – вице-адмирал Александр Семёновичем Шишков.

«Сей «муж отечестволюбивый», бесспорно, является одним из столпов русской культуры XIX века, – соглашается Александр Сегень, посвятивший великому консерватору немало страниц в романе о святителе Филарете. – В молодости бравый моряк, с ранних лет одновременно начавший увлекаться филологией и переводить на русский язык иностранные книги, он был стойким противником засорения русского языка иностранщиной и успешно боролся за сохранение самобытности нашей речи. (...) В 1803 году Шишков опубликовал свой важнейший труд «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка». В 1805 году вышел в свет его перевод «Слова о полку Игореве». В 1810 он создал общество «Беседа любителей русского слова». Все мы помним, как озорники, дурачась над стремлением Шихкова находить русскую замену иностранным словам, придумали такую дразнилку: «Хорошилище идёт по гульбищу из позорища на ристалище», что в переводе на иностранные заимствованные слова означало: «Франт идёт по бульвару из театра в цирк». Помним и злые эпиграммы Пушкина на Шихкова. Но если внимательно прочитать шихковское «Рассуждение о старом и новом слоге», содержащее обширный словарь русских слов, которые Александр Семёнович предлагал воскресить, заменяя ими заморские, нетрудно увидеть, как много этих слов Пушкин использовал в своих произведениях, тем самым проведя в жизнь мечты Шихкова! Так что и Александр Семёнович приложил руку к созданию русского литературного языка. Когда в 1817 году родилось Министерство духовных дел и народного просвещения, которое возглавил ненавистный Голицын, Шихков, конечно же, сразу стал яростным врагом этого учреждения. Не переставал он бороться и с библейским обществом, открыто называя его членов пособниками мирового протестантизма. Голицына он обвинял в упадке нравственности, в разгуле свободомыслия и антиправославного мистицизма. Шихков говорил: «Кажется, как будто все училища превратились в школы разврата, и кто оттуда ни выйдет, тотчас покажет, что он совращён с истинного пути и голова у него набита пустотой, а сердце самолюбием, первым врагом благоразумия». А о переводах Библии на новый язык Александр Семёнович отзывался так: «Это переводы с языка Церкви на язык театра». Семидесятилетний президент Российской академии наук адмирал Шихков стал министром народного просвещения.

В 1815 году Пушкин писал свою известную эпиграмму «Угрюмых тройка есть певцов – Шихматов, Шаховской, Шихков»; а во «Втором послании к цензору» Александр Сергеевич иначе написал об Александре Семёновиче и его новом назначении: «Обдумав, наконец, намеренья благие, // Министра честного наш добрый царь избрал, // Шихков наук уже правленье восприял. // Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа, // Он славен славою двенадцатого года; // Один в толпе вельмож он русских муз любил, // Их, незамеченных, созвал, соединил...»

Одновременно Шихкова назначили главноуправляющим делами иностранных вероисповеданий. Наконец-то в России началась борьба с иностранным засильем, с раболепным почитани-

ем всего европейского и презрением всего русского. Во главе этой борьбы встал тот, кто еще тринадцать лет назад в своём «Рассуждении о любви к Отечеству» писал: «Воспитание должно быть отечественное, а не чужеземное. Учёный чужестранец может преподать нам, когда нужно, некоторые знания свои в науках, но не может вложить в душу нашу огня народной гордости, огня любви к отечеству, точно так же, как я не могу вложить в него чувствований моих к моей матери... Народное воспитание есть весьма важное дело, требующее великой прозорливости и предусмотрения. Оно не действует в настоящее время, но приготовляет счастье или несчастье предбудущих времён, и призывает на главу нашу или благословение, или клятву потомков». А ещё раньше, в своём знаменитом «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка»: «Какое знание можем мы иметь в природном языке своём, когда дети знатнейших бояр и дворян наших от самых юных ногтей своих находятся на руках у французов, прилепляются к их нравам, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получают весь образ мыслей их и понятий, говорят языком их свободнее, нежели своим, и даже до того заражаются к ним пристрастием, что не токмо в языке своём никогда не упражняются, не токмо не стыдятся не знать оно, но ещё многие из них с им постыднейшим из всех невежеством, как бы некоторым украшающим их достоинством хвастают и величаются. Будучи таким образом воспитываемы, едва силой необходимой наслышки научаются они объясняться тем всенародным языком, который в общих разговорах употребителен; но каким образом могут они почерпнуть искусство и сведение в книжном или учёном языке, столь далеко отстоящем от сего простого мыслей своих сообщения? Для познания богатства, обилия, силы и красоты языка своего нужно читать изданные на оном книги, а наипаче превосходными писателями сочинённые». Но он же был не только ненавистником Голицына, но и противником Филарета. Удивительно, как порой бывают врагами люди, коих потомки почитают с одинаковым благоговением! Шишков яростно выступал против перевода Священного Писания и филаретовских катехизисов. (...) Новый министр просвещения добился запрета на печатание как большого, так и малого катехизисов, а также потребовал остановки перевода Библии на современный язык и получил одобрение.

* * *

При использовании заёмной речи, как справедливо заметил Белинский, необходимо здравомыслие и здравовкусие, дающее русскому человеку чувство языковой меры.

Но самая страшная напасть в нынешнем... язык не поворачивается молвить, *русском...* языке, – натиск хамского тюремного жаргона, а то и просто подзаборной брани в разговорную, да и книжную речь, отчего похожа на свалки в дачных березняках нынешняя речь. Опять на Руси воцарился местечковый хам с жаргоном. Уйму слов испохабила нынешняя нерусская – русско-

язычная речь; воскликнешь: «голубое небо» – похабно ухмыльнутся, пропоешь: «голубой вагон бежит, качается...» – похабно рассмеются, помянешь иркутский полустанок *Голубые ели* – еринки добавят: «...и пили». Вот дожили: уже и эпитеты «голубой, красный, коричневый, красно-коричневый, оранжевый...» в песенную строку грешно лепить, двоемысленно выходит.

В начале прошлого века, когда ещё девяносто процентов крестьянского населения, слава Богу, владело величавым пословично-поговорочным, природно-образным, божественным языком, жаргон ядовито расцветал лишь в либерально-демократической, газетной и литературной местечковой, одесской «малине». А теперь русскоязычному жаргону полная воля, родному языку – скорбная неволя. Это как российские правители презирают свой народ, свою отеческую речь, чтобы позволить такое, когда по радио и телевидению, в поездах, самолётах, автобусах денно и ночью звучат уголовно-жаргонные, богомерзкие «песенки» – вроде, «*я беременна, беременна, беременна, но это временно, временно, временно...*», когда жаргон и мат, словно ядовитые помои из взорванной канализации, захлестнули нынешнее кино и, к великой скорби, даже и российскую литературу. Невольно помянешь, опять же, Александра Шишкова: «Хочешь погубить народ, истреби его язык».

* * *

Краса и сила речи в умении мастерски расцветить её метким образным словом, народным речением, отшлифованным веками. Народная мудрость своё высшее и поэтическое воплощение нашла в пословицах и поговорках и даже загадках. Народ осознал особенное, заглавное положение пословиц и поговорок в своём языке, что и выразил устно: «*Красна речь с притчею; пословица ведётся, как изба веником метётся; пословица недаром молвится; на твою спесь пословица есть; белый свет не околица, а пустая речь не пословица*».

Не все пословицы и поговорки, разумеется, являют собой образцы высокой христианской духовности, но они запечатлели живую и верную, яркую картину народной психологии, отображали и противоречивость русского характера, вмещающего в себя непостижимую миру, самоотрешенную любовь к Богу и ближнему, но и отчаянные, безрассудные языческие страсти. Есть там и Христова Церковь, и бесовский кабак... Пословицы и поговорки разом выказали эти порой взаимоисключающие стороны русского характера, противостоящие народные типы. *Без Бога ни до порога, Бог не захочет и прыщ не вскочит*, и в тоже время: *На Бога надейся, да сам не плошай; Гром не грянет, мужик не перекрестится*, а то и похлеще: *Украл да продал – Бог подал; Господи, прости, в чужую клеть пусти; подсоби нагрести и вынести; Не убьёшь, не украдёшь – не будешь богат, а будешь горбат*.

Русские пословицы и поговорки собирали, записывали М. Ломоносов, А. Пушкин, А. Добролюбов, А. Кольцов, Н. Гоголь, А. Островский, М. Салтыков-Щедрин, Л. Толстой, М. Горький. Но ничто не сравнится с великим трудом, народным подвигом, что совершил учёный диалектолог, этнограф и писатель Владимир Даль (Казак Луганский), за несколько десятилетий собравший более 30 тысяч пословиц и поговорок, метких слов и присловий, расписавший их в строгую тематическую систему. Нельзя забывать, что народовед одновременно трудился и над многотомным «Словарём живого русского языка».

Благословил и вдохновил Владимира Даля на создание сборника «Пословиц русского народа» (да и «Толкового словаря живого великорусского языка») Александр Пушкин, любивший русскую пословицу не менее сказки. Владимир Даль вспоминал: «А как Пушкин ценил народную речь нашу, с каким жаром и усладой он к ней прислушивался, как одно только кипучее нетерпение заставляло его в то же время прерывать созерцания свои шумным взрывом одобрений и острых замечаний и сравнений»²⁰.

П.И. Бартенева в «Рассказах о Пушкине» писал: «За словарь свой Даль принялся по настоянию Пушкина». А в статье, посвященной памяти Даля, Бартенева подтвердил: «Сближение с Жуковским, а через него с Пушкиным утвердило Даля в мысли собрать словарь живого народного русского языка. В особенности Пушкин деятельно ободрял его, перечитывал вместе с ним его собрание и пополнял своими сообщениями». Во время одной из последних встреч с Владимиром Далем Александр Пушкин воскликнул с восторгом и горечью: **«Сказка сказкой, а язык наш сам по себе; и ему-то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это сделать?.. Надо бы сделать, чтоб выучиться говорить по-русски и не в сказке... Да нет, трудно, нельзя ещё! А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото! А не даётся в руки, нет»**.²¹ Пушкин не скромничал, горько исповедался, поклонно опустив голову перед величием народной поэзии, хотя и гений-то пушкинский, чудо его неизъяснимое, перво-наперво в том, что он, дворянин, казалось бы выросший на английских и французских романах, сумел ...поклон Арине Родионовне... пробиться к народно-православному духу и крестьянскому слову, и тем самым воспарил, воцарил над поэтами «золотого века», коих Господь тоже не обделил талантами.

* * *

Нелёгкой была судьба «Пословиц русского народа», собранных, обработанных и тематически обустроенных Владимиром Далем. С добрым вниманием, глубоким интересом следили за

²⁰ Даль В. И. ПСС в восьми томах. Казак Луганский. М., «Столица». Т. 1. С. XXIV.

²¹ Бартенева П.И. «Рассказы о Пушкине». М., 1973. С.11.

его титаническим трудом писатели, критики, скажем, славянофильского крыла русской общественной мысли. «Греч и Пушкин горячо поддерживали это направление моё, – вспоминал учёный, – также Гоголь, Хомяков, Киреевские, Погодин; Жуковский был как бы равнодушнее к этому и боялся мужичества». Сложнее было отношение к сборнику Даля со стороны *многоучёного сословия* – чопорных академиков и самого императорского двора, испугавшегося *деревенской темы и мужичества*, не воспринявшего правду о народе русском, пусть даже в его мучительном противоречии христианского и языческого.

Если академик Востоков, в целом одобряя сборник, сомневался в необходимости включать в него пословицы и поговорки на религиозные темы, то протоиерей академик Кочетов резко осудил труд Даля и выступил против его публикации. Кочетов считал, что «памятник мудрости народной» должен явиться драгоценным подарком русскому народу, преподнесённым человеком «обращающимся в лучшем обществе», «знающим светские приличия», а сборник Даля «чуждый отбора и порядка; в нём есть места, способные оскорбить религиозные чувства читателей; есть изречения, опасные для нравственности народной». Это «бочка меду да ложка дёгтю», «куль муки да щепотка мышьяку», – вздыхал академик Кочетов и пояснял свою скорбь: «Нет сомнения, что все эти выражения употреблялись в народе, но народ глуп и болтает всякий вздор».²²

И хотя Даль был человеком завершённых православно-монархических убеждений, что, кстати, выразилось и в подборе пословиц, император Николай 1 высказался против публикации сборника. У императора Николая 1, как и у академика Кочетова, была своя правота – забота о православной духовности и нравственности вверенного ему Богом народа (он бы и хотел, чтобы сборник пословиц, очистившись от языческих суеверий, был духовно-нравственным поучением), Даль же в «Пословицах русского народа» показал полную, неискажённую картину народного мировоззрения в противоречии христианского и суеверно-языческого, духовного и хозяйственно-материалистического. Он в «Напутном слове» и укоряет, обращаясь к себе: «Кто дал тебе право выбирать и браковать? Где предел этой разборчивости? Ведь ты набираешь не *цветник*, а *сборник...*»²³. Хотя, тем не менее, подчеркивая, что набожность – православность – основная черта русского человека (суть, крестьянина, который составлял в далевскую пору более девяноста процентов населения России) да порой доходящая до юродивости, но ласковая, тёплая набожность, какая и не снилась европейским народам, а суеверно-языческое – есть лишь побочное и грешное в русском характере. Но ведь один Бог без греха...

Российские деятели из просвещённого общества пытались загнать русское простонародье в ложе своих идеологий: правящей православно-монархической верхушке хотелось видеть его лишь в смиренных крестьянских трудах от темна до темна, в домостроительстве и молитвах, либералам же потребен был народ безбожный и бунтующий; но русскому простонародью и то и другое идеологическое ложе оказалось узким – народ был сложнее, загадочнее и, к сожалению,

²² Даль В.И. ПСС в восьми томах. Казак Луганский. М., «Столица». 1995. Т. 1. С. XXI.

²³ Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1994. С.5.

духовно противоречивее. Отчего и рождались в нашем отечестве великие и кровавые смуты и духовные трагедии. И это правда, от которой не откреститься крестом, не отбиться пестом.

* * *

Русская народная культура и мудрость – это крестьянская культура и крестьянская мудрость. С такой любовью сказал об этом Александр Куприн в своём поклонном слове русскому крестьянину. «Когда, говорят "русский народ", я всегда думаю – "русский крестьянин". Да и как же иначе думать, если мужик всегда составлял 80% российского народонаселения. Я, право, не знаю, кто он, богоносец ли, по Достоевскому, или свинья, по Горькому. Я знаю только, что я ему бесконечно много должен, ел его хлеб, писал и думал на его чудесном языке, и за всё это не дал ему ни соринки. Сказал бы, что люблю его, но какая же это любовь без всякой надежды на взаимность»²⁴.

Словом, **народная мудрость**, выраженная, в том числе, и в пословице, – **крестьянская мудрость**, и уж никак не дворянская или интеллигентская. Об этом писал Владимир Даль в «Напутном слове» к своему сборнику «Пословицы русского народа»: «Что за пословицами и поговорками надо идти в народ, в этом никто спорить не станет; **в образованном и просвещённом обществе пословицы нет**; попадают слабые, искалеченные отголоски их, переложённые на наши нравы или испошленные нерусским языком, да плохие переводы с чужих языков. Готовых пословиц высшее общество не принимает, потому что это картины чуждого ему быта, да и не его язык; а своих не слагает, может быть, из вежливости и светского приличия: пословица колет не в бровь, а прямо в глаз. И кто же станет поминать в хорошем обществе борону, соху, ступу, лапти, а тем паче рубаху и подопку? А если заменить все выражения эти речениями нашего быта, то как-то не выходит пословицы, а сочиняется пошлость, в которой намёк весь выходит наружу.

(...) У нас же, более чем где-нибудь, просвещение – такое, какое есть, – сделалось гонителем всего родного и народного. (...) Только в самое последнее время стали догадываться, что нас леший обошёл, что мы кружим и плуаем, сбившись с пути, и зайдём неведомо куда. С одной стороны, ревнители готового чужого, не считая нужным изучить сперва своё, насильственно перенесли к нам всё в том виде, в каком оно попадалось и на чужой почве, где оно было выстрадано и выработано, тогда как тут могло приняться только заплатами и лоском; с другой – бездарность опошшила то, что, усердствуя, старалась внести из родного быта в перчаточное сословие. (...) Как бы то ни было, но из всего этого следует, что если не собрать и не сберечь народных пословиц вовремя, то они, вытесняемые уровнем безличности и бесцветности, стрижкою под гребёнку, то есть общенародным просвещением, изникнут, как родники в засуху.

Простой народ упорнее хранит и сберегает исконный быт свой, и в косности его есть и дурная и хорошая сторона. Отцы и деда – для него великое дело; не раз ожегшись на молоке, он дует и на воду, недоверчиво принимает новизну, говоря: "Всё по-новому, да по-новому, а когда же будет по-доброму?" Он неохотно отступает от того, что безотчётно всосал с матерним молоком и что звучит в мало натруженной голове его складною речью. Ни чужие языки, ни грамматические умствования не сбивают его с толку, и он говорит верно, правильно, метко и красно, сам того не зная. Пословицы и поговорки слагаются только в пору первобытной простоты речи, и, как отрасли, близкие к корню, стоят нашего изучения и памяти»²⁵. *(Выделено мною. – А.Б.)*

Я сожалею, что нынешние сельские жители, сплошь и рядом погрязшие в мрачной и безысходной гульбе, в нищете и лени, забыли, что они соль земли, что они не серая, тупая масса, что они народ – народ великий, что вся культура и русская мудрость искони от деревни. Но, тем не менее, видя, что даже на фоне сельской порухи крепнут трезвенные, азартно работающие, сноровистые мужики, я верю, что тяжёлые испытания пройдут по русскому крестьянству очистительным огнём, и сильные не только выживут, но снова – лишь в деревнях зазвонят православные колокола, – станут духовным, нравственным, культурным ядром нашей измученной, оживающей из пепла нации. А потом и заговорят *по-русски...*

Не забудем же вещее слово Василия Шукшина: «Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвёл в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совесть, доброту... Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык, он передан нам нашими дедами и отцами... Уверуй, что всё было не зря, наши песни, наши сказки, наши невероятной трудности победы, наше страдание – не отдавай всего этого за понюх табаку. Мы умели жить. Помни это. Будь человеком».

24.11.2000–30.10.2007

---

²⁴ Цит. по кн. Селезнев Ю.И. Избранное. М., 1987. С.440.

²⁵ Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1994. С.6-7.